

ТОНИ БРАНТО

ТОНИ БРАНТО

**СМЕРТЬ
НА
ФУНИКУЛЁРЕ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Tony Branto
DEATH ON THE FUNICULAR
First published in Great Britain in 2022 by Clays

Дизайн переплета — *Jason Anscomb*

Бранто, Тони.
Б87 Смерть на фуникулере / Тони Бранто. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Детектив с трогательным финалом).

ISBN 978-5-04-176011-3

Словенские Альпы.

В предвкушении чудесного отдыха в уютном горном отеле благородное английское семейство Робинсон, а с ними известная американская писательница, наконец вышли из фуникулера на свежий воздух. Все, кроме миссис Робинсон... Ее бездыханное тело так и осталось лежать в пустой кабинке в неестественной позе. Еще накануне женщина жаловалась на недомогание. Но близкие приняли это за очередной каприз вздорной мадам. Миссис Робинсон была в отчаянье, назревал серьезный конфликт... И вот она мертва. Смерть сошла бы за несчастный случай, если бы не бутылка ликера со следами странного порошка, из которой пила погибшая... Случайно оказавшийся в отеле английский студент Адам Карлсен уже имеет опыт расследования преступлений. И он берется выяснить причину загадочной трагедии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176011-3

© Бранто Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть I

ЛЮБЛЯНА

ГЛАВА 1

На левом берегу Любляницы, рядом с Трёхмостовьем, молодая женщина намеревалась сделать снимок утки. Вырисовывалась неплохая тональная перспектива: коричневое оперение птицы, за ним — дымчато-синяя река, а ещё дальше — белый снег.

Мисс Вероника Бёрч выбрала ракурс крайне удачный (ради него пришлось почти лечь — благо никто не видел!), настроила фокус. Утка будто смиренно ожидала щелчка камеры.

— Отлично, — прошептала Вероника.

Осталось дождаться, пока из кадра на заднем плане исчезнет прогулочный кораблик, тогда будет то, что надо.

И вот только речная поверхность успокоилась от последних волн, в объектив влезла чья-то тень. Вероника Бёрч выругалась, опустила фотоаппарат... и ощутила дрожь, мгновенно охватившую всё тело, как в прошлый вечер. А ведь она уже пришла в себя, поверив, что смогла скрыться от преследователя!

К ней направлялся рослый мужчина лет двадцати-сорока в натянутой до густых бровей шапке, весь в чёрном и на первый взгляд грязном — словом, бандит бандитом. Он вынул руки из карманов и что-то крикнул...

Вероника кинулась удирать. Через площадь мимо церкви францисканцев, за угол, по узкой мощёной улочке. Она услышала сдавленный крик позади — кажется, здоровяк упал. Слава тебе господи! Но, пробежав ещё ярдов двадцать, девушка, поскользнувшись, уже сама выделявала немыслимые балетные фигуры на заледенелой брусчатке, затем грохнулась и на животе с визгом докатилась до крыльца аптеки. Не оборачиваясь, не выпуская камеры из рук, она подскочила, дёрнула дверь. Аптека, слава богу, была открыта.

Оказавшись внутри, Вероника перевела дух.

Преследователь остановился поодаль — девушка видела его через витринное окно. Он прислонился спиной к стене дома, руки сунул обратно в карманы, а его немигающие глаза продолжали следить за ней. Точнее, за её новенькой камерой.

Кажется, она поняла это раньше из его выкриков и жестов.

Что теперь делать? Камеру она нипочём не отдаст. Эту редкую модель из Японии она ждала целых пять месяцев.

На мгновение Вероника пришла в неопишумый ужас: ведь ей не встретилось ни души, пока она спасалась от бандита. А если бы аптека не работала?

Ко второму дню своего пребывания в Югославии Вероника Бёрч успела привыкнуть к некоторым из местных причуд, хотя всё ещё не могла разобраться в рабочих часах магазинов и ресторанов — казалось, эти часы менялись на ходу ежедневно.

Так что же делать?

Лицо ожидающего за окном мужчины выглядело злобным. Представить его улыбающимся было непростой задачей даже для мисс Бёрч, а ведь она — писательница,

успевшая завоевать любовь читателей по обе стороны Атлантики.

Навряд ли этот мужчина гнался за ней, чтобы получить автограф...

Она была наслышана о славянской красоте. Но это касалось женщин, которых она так и не успела пока рассмотреть. А вот про местных мужчин Вероника ничего не слышала.

Её привёз сюда поезд, следовавший из Парижа, потому первыми югославами, с которыми ей довелось повстречаться, были таможенники.

Такого нипочём не забудешь.

Ночью её разбудил громкий стук в дверь купе и лай собак.

— Potni list!¹

Бывалая путешественница, Вероника, казалось, знала слово «паспорт» на всех языках мира.

— Ameriški², — бросил один из офицеров, светя фонариком, и передал документ напарнику.

Мисс Бёрч попросили выйти в коридор. Её купе первого класса обыскали вдоль и поперёк. Рылись в вещах, пролистывали книги, обследовали даже туалетные принадлежности. Но настоящий шок она испытала, когда один из пограничников выдавил половину её зубной пасты прямо на пол. Что она могла провозить в этом тубике? Бриллианты? Её трижды спрашивали, сколько наличных денег она везёт. Трижды сверили её показания с заполненной декларацией. Вероника была уверена, что, найди они хоть один лишний цент, запрятанный в нижнем белье, её без

---

¹ Паспорт! (*словен.*)

² Американский (*словен.*).

лишних разговоров сняли бы с поезда и посадили в тюрьму для особо опасных преступников.

В аптеке она достала зеркальце.

«Дорогая, ну и вид у тебя!»

И хотя в отражении была всё та же тридцатидвухлетняя Вероника со строгими правильными чертами и прозрачной бледностью кожи, мисс Бёрч недовольно покачала головой. Её волосы жаркого каштанового цвета растрепались и казались в ту минуту совсем тусклыми, словно перенесённый ужас отразился и на них.

Жалко было новое пальто из верблюжьей шерсти. Оно не очень тёплое для зимы, но так хорошо сидело и вообще...

Так что же делать? Звать полицию? Приедут ещё двое, ещё злее, чем этот тип...

Веронике отвлекла монотонная речь за спиной, она вспомнила, где находится, и обернулась. Здесь было многолюдно — двое молодых людей и продавщица. Один юноша — он был в очках — рассматривал витрину. Другой, повыше ростом, с кудрявой головой, стоял против женщины за прилавком. Кажется, он пытался с ней спорить.

Его голос звучал тихо, просительно, будто он говорил что-то постыдное. Тем не менее от Вероники не скрылся его чистый британский выговор, несомненно удививший и обрадовавший девушку.

— Но послушайте. Я *нуждаюсь* в этом снадобье. Вы *обязаны* продать его мне. Этот рецепт *должен* иметь силу во всех цивилизованных странах...

Худая сухонькая женщина стояла прямо, как австрийский штык, и на все просьбы твердила одно и то же:

— Zdravnik nima jugoslovanskega priimka¹.

Вероника кивнула сама себе:

«Первая вылазка за границу. Вот бедняга».

Кудрявый юноша сказал чуть громче:

— Я не понимаю. Пожалуйста, говорите по-английски...

— Извините, — обратилась к нему американка.

Её голос вспугнул британца, точно воришку.

— Эта леди объясняет вам, что вы должны сходить к местному лекарю и заплатить ему, чтобы он выписал вам рецепт.

— Ja, ja!² — продавщица довольно тыкала пальцем в сторону мисс Бёрч.

Молодой человек с отвисшей челюстью долго смотрел на Веронику. На вид ему было лет двадцать. Русые волосы торчали над округлым добрым лицом и тревожными мечущимися глазами. Почти наверняка из хорошей британской семьи — чувствуется воспитание.

Придя в себя, он закрыл рот и весьма неуверенно, но обиженно заявил:

— Но так *не должно быть!*

— Чужая страна — чужие законы. Меня вообще — если вас это утешит — с момента прибытия преследует один человек, весьма похожий на головореза, — дружелюбно поделилась Вероника. — Кажется, он хочет отобрать мою камеру.

Глаза юноши, беспокойные и без того, застыли в недоумении.

Нет, он слишком неуверен в себе. А ведь мисс Бёрч надеялась, что сможет ненадолго обзавестись компанией

---

¹ У доктора не югославская фамилия (*словен.*).

² Да, да! (*словен.*)

в его лице, и, возможно, это отбило бы у ожидавшего её негодяя мысли о разных глупостях.

Но, похоже, парень сам нуждался в опеке.

Вероника махнула рукой:

— Не обращайтесь внимания. Может, я смогу вам помочь? У меня целая аптечка всего на свете, правда, в отеле. Везде с ней езжу и бед не знаю. Что вам требуется?

Молодой человек нахмурился.

— Позвольте, — мисс Бёрч потянулась к его руке, нервно сжимавшей листок с рецептом.

— Не стоит! — рука с листком нырнула в карман пальто. — У меня... болит зуб.

— В таком случае, я могла бы дать вам обезболивающее. Или, если боль не сильная, могу посоветовать раствор из соды и соли. Наверняка в вашем отеле найдётся...

Молодой человек выскочил из аптеки.

Выражение досады, тихого отчаяния на его лице какое-то время маячило перед глазами Вероники, словно повиснув в воздухе.

— Gumbov ne prodajamo¹, — сухо сказала продавщица, уставившись на пальто девушки.

Мисс Бёрч сообразила, что лишилась пары пуговиц, пока совершала захватывающее турне на животе по заледеленым камням.

Да, стоило вызвать полицию. Приключения хороши, пока за вами идёт ангел в белом, а если он в чёрном и грязном... Впрочем, попытка установить контакт с продавщицей тоже провалилась — та уже равнодушно отчалила в другой конец прилавка к посетителю в очках.

---

¹ Мы не торгуем пуговицами (словен.).

Отвернувшись к окну, Вероника обнаружила две новости: пошёл снег, который она так любила, и куда-то исчез её головорез.

ГЛАВА 2

А в антикварной лавке, что ютилась на той же улочке, мисс Эмили Нортон пыталась купить деревянные часы в виде скворечника. Пожилая пара, владевшая магазином, упиралась в цене. Если походная сумка и удобные современные брюки ещё могли сбить с толку, то обувь на тонкой подошве и неумение стоять на своём выдавали в мисс Нортон новоиспечённую туристку с потрохами.

— Последние, что мы сохранить, — уверял мужчина. — Остальные — бух! — он хлопнул в ладони. — Война!

Его громкое грассирование в сочетании с сильным акцентом производило на слушателя магически устрашающее воздействие.

Эмили Нортон растерянно глядела на часы. Механизм работал ладно, что было продемонстрировано, но эти трещины на крыше и у основания домика...

— Да, вещь красивая, — неуверенно звучал голос мисс Нортон. — Хотя тут трещины...

— Где? Вот эти? Разумеется, есть трещины! Но очень-очень старые!

— И вот тут, кажется, не хватает одной птички...

— Ах, не хватать маленькая птичка! Милая мисс! До войны — бух! — мы ездить далеко, смотреть пирамиды. Сфинкс — бух! — нет носа! Там, где должен быть нос, — ничего нет! А мы платить за весь сфинкс, и за нос тоже! А пирамиды — много камней, много-много старых камней! Трещины, дыры, пыль, песок. Словно там — бух! —

война! Но вы должны много платить, *много-много* платить, чтобы видеть сфинкс без носа...

Он потёр указательный палец о большой.

Мисс Нортон была пристыжена.

— Конечно, вы правы. Со временем всё только дорожает. Я просто боюсь, что в дороге часы могут треснуть сильнее...

Сидевшая за кассой хозяйка не выдержала:

— Мисс!

Её кулак обрушился на крышу скворечника, словно молот аукциониста. Покатилось эхо.

— То је hrast!¹ — прозвучало, как «Продано!».

Теперь, после того, как дерево каким-то чудом не разлетелось в щепки, Эмили Нортон была повержена.

Мужчина полез под прилавок за картоном, обнажая дёсны в самой дружелюбной улыбке, на какую был способен.

— Упаковка — бесплатно!

Что ж, считала мисс Нортон, она сделала всё, что могла. А ведь и правда: дереву в часах должно быть не меньше ста лет, к тому же какой-то редкий местный производитель, а она так по-глупому себя повела, решив возражать. Но ведь её сестра учила — за границей нужно торговаться, а её сестра всё знает лучше.

Трогательная, милая, молодая — первое, что приходит на ум при виде Эмили Нортон. Воплощение бедной родственницы, почти библейское (если бы в Библии писали про младших незамужних сестёр).

Впрочем, писательница детективов Вероника Бёрч с порога дала иное определение мисс Нортон — хроническая старая дева. И даже несмотря на то, что Эмили Нор-

---

¹ Это дуб! (словен.)

СМЕРТЬ НА ФУНИКУЛЁРЕ

тон было всего двадцать восемь лет, на которые она и выглядела.

В свою очередь Эмили, едва зазвучал колокольчик над дверью, не могла поверить своим глазам — в магазин вошла обожаемая ею писательница.

— Извините, — сказала Вероника, стряхивая с головы снег, — можно ли вызвать полицию?

Из рук продавца едва не выпал столетний дуб. Его жена встала со стула.

— Policijo? Tukaj? Št! Nobene policije! Kaj za?!

— Понимаете, я стала жертвой возмутительного преследования, и...

— Мисс Вероника Бёрч! — не сдержалась Эмили. — Вы? Здесь? Это невероятно!

Как всегда, всё решил случай. Вероника привыкла наткаться на поклонников в самых укромных уголках планеты, а среди поклонников, знала она, нередко были хорошие рабы и защитники.

Вероника улыбнулась в ответ и спросила:

— Вы путешествуете одна?

— О нет! Боюсь, сама бы я уже давно потерялась где-нибудь ещё по дороге, выпала за борт или ещё что! — взволнованно зашебетала Эмили. — Я со своей старшей сестрой и её семейством. У них с Джоном трое детей, и я, можно сказать, свалилась на них четвёртым ребёнком.

Вероника поняла, что с определением «старой девы» попала в точку. Она улыбнулась ещё раз и поглядела на часы, которые были почти упакованы.

— Вы уже расплатились?

— Ой, что же я стою...

---

¹ Полиция? Здесь? Нет! Никакой полиции! Зачем? (словен.)

— За сколько вы их берёте?

Эмили, копошась в большой сумке в поисках кошелька, назвала цену.

— Вы с ума сошли! — Мисс Бёрч повернулась к пожилой паре: — Я сама заплачу за эти часы, но вдвое меньше.

У женщины за кассой вмиг посерело лицо. Продавец, вероятно решив, что неправильно расслышал, спросил:

— Вы хотите купить часы? Невозможно. Эта милая мисс покупать часы.

Вероника одарила их усмешкой и, подхватив под руку Эмили, повела её на улицу.

— Мисс Бёрч, я...

— Вам нужно набраться опыта, дорогая, — говорила Вероника, словно старшая гейша давала наставления начинающей.

Они стремительно удалялись от лавки.

— Но как же...

— Подождите несколько секунд. Увидите.

По улице тихо сыпал снег. Через несколько секунд Эмили Нортон услышала далеко за спиной колокольчик. Продавец кричал им с крыльца магазина, и, что примечательно — куда-то делся его экзотический грозный акцент.

Вероника посмотрела на свою спутницу.

— Вы — волшебница! — заявила та.

— Ничего особенного. Мой отец владеет сувенирной лавкой. Он всегда изображает полнейшее непонимание, когда с ним пытаются торговаться на английском туристы из Японии. Ну что, заберём ваши часы?

Они рассмеялись. Через пять минут, неся увесистый пакет с одной стороны, а с другой держа под руку мисс

Бёрч, Эмили охотно делилась подробностями своего первого в жизни вояжа.

Итак, ей было двадцать восемь. Работала массажисткой, в войну — медсестрой в госпитале. Они со старшей сестрой, её мужем и их тремя детьми добрались сюда на круизном лайнере «Королева морей». Корабль остановился в Триесте. До этого они посетили Венецию — удивительное зрелище зимой! — а до этого был Марсель — тут впечатлений меньше, но вот Барселона — другое дело! Конечно, покрытые снегом города так или иначе похожи друг на друга, но в одних тебе уютно, а в других — совсем нет. Говорят, зимняя Москва очень неуютная. Эмили боялась, что в Югославии будет так же. Век живи — век учись. Югославия — восхитительна! Зимой это словно сказочное королевство! В детстве, помнится, её любимой книгой была та, где вместо привычных страниц были объёмные силуэты из картона. Там был замок на горе в самом центре, а вокруг него — деревня, и всё было покрыто снегом. Всё здесь так похоже на те картонки...

Вероника, не без удовольствия внимая потоку речей (они, безусловно, успокаивали), то и дело озиралась по сторонам. Уже стали встречаться прохожие, но у злобно-незнакомца, по-видимому, появился новый объект преследования.

Через некоторое время они вышли к реке, и там, окончательно почувствовав облегчение, Вероника вынула из сумки камеру. Эмили в тот момент восторженно вешала о красотах Каннареджо¹.

— Только взгляните на этого дракона, — вклинилась мисс Бёрч в описание статуи Мадонны, когда-то украшав-

---

¹ Район Венеции.

шей огород скульптора¹. — Давайте вы встанете рядом, а я вас сфотографирую.

Эмили послушно перебежала дорогу и замерла прямо под крылатым змеем на постаменте. Вероника, сделав кадр, присоединилась к спутнице на мосту, и теперь они не спеша двигались к правому берегу Люблиницы.

— Боюсь, я вас утомила, — сказала Эмили Нортон.

— Вы — глоток воздуха, дорогая.

— Вы так добры, купили мне часы, хотя впервые меня видите.

Мисс Бёрч остановилась, чтобы сделать снимок очередной утки. Когда заслонки камеры щёлкнули, она сказала:

— Деньги нужны, чтобы их тратить, а денег у меня много, — она улыбнулась.

— И вы их заработали честным трудом.

— Да, но что толку, если нельзя купить то, в чём поистине нуждаешься.

— Вы правы. Нельзя купить любовь.

Вероника остановилась, Эмили сделала то же самое. Писательница посмотрела новоиспечённой знакомой в глаза.

— Я говорила о вдохновении.

Мисс Нортон кивнула:

— О... Конечно... Какая же я недалёкая!

Вероника возразила:

— Вы человечнее меня. Любовь — прерогатива людей с сердцем.

— Я уверена, у вас большое сердце!

---

¹ Имеется в виду Огородная Мадонна — одна из достопримечательностей Каннареджо.

— Боюсь, я помешана на работе и больше рассуждаю как стратег.

— Но неужели вы совсем не хотите замуж?

— Вот этого я с детства боюсь. Мои родители развелись давным-давно. И вообще, знаете, я ещё не видела хороших браков. Я предпочитаю *независимость*.

Мисс Нортон посмотрела на своего кумира с нескрываемым обожанием, как преданный щенок на хозяина. Да, в свои молодые тридцать два года Вероника Бёрч воплощала собой самые передовые феминистские настроения.

— Кроме того, — добавила она, — *счастье не вдохновляет*.

Американка посмотрела в сторону и, вздохнув, сказала:

— И меня занесло сюда, потому как я, видите ли, в поисках вдохновения. Почему сюда? Сама удивляюсь. Югославия всегда оставалась для меня загадкой. Но я никогда не ищу логику в своих порывах — так можно и с ума сойти. Я придерживаюсь этого правила и в отношении других. Например, до сих пор не знаю, что такого в моей первой рукописи нашло то издательство, что взялось её опубликовать. Мне было семнадцать, и я была ошеломлена, ведь я и подумать не могла, что кому-то может понравиться моя писанина.

— «Смерть под воздействием гипноза»? О, я нахожу эту книгу гениальной! — поделилась Эмили.

— Но, дорогая, — ласково усмехнулась Вероника, — вы, конечно, понимаете, что это всё неправда? Нельзя на расстоянии трёхсот метров заставить совершенно здорового человека взять и заколоть себя кинжалом.

— О... разве... нельзя? — Казалось, это открытие повергло мисс Нортон в шок.

— Разумеется. Многое я почти от скуки просто высосала из пальца. А книга в итоге разлетелась как горячие пирожки. С тех пор я клепаю эти истории как заведённая машина. Они развлекают народ, они нужны, но только как фастфуд. Честно говоря, я устала быть машиной. Хочется хоть раз написать о том, что происходит в *реальной* жизни. О том, что не противоречит законам физики и логики. Но не хочется быть банальной. Простое бытовое убийство на почве ревности или денег — тоже не выход.

Вероника Бёрч вздохнула, помолчала с минуту. И сказала:

— Я хочу найти что-то такое... такой мотив для убийства, который бы запрятался куда-то в абсолютнейшую глубину человеческой натуры и при этом, чтобы он был... на поверхности.

Эмили Нортон сжала руки на груди и потрясённо уставилась на писательницу.

— Но я всё больше прихожу к выводу, что эта вроде бы простая задача оказывается мне не по зубам. Увы, богатое воображение — ещё не признак острого ума.

— Мою сестру хотят убить...

Слова Эмили прозвучали ясно и тихо, словно она была под гипнозом.

Брови мисс Бёрч удивлённо приподнялись. Она спросила:

— Вашу сестру? Кто же хочет её убить?

Но Эмили Нортон не была готова ответить сразу. Её внезапно охватила дрожь, стало переполнять какое-то чувство.

Что это было? Тревога? Отчаяние? *Злость*?

Вероника, глядя на мисс Нортон, не могла выбрать.

Наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно, Эмили сказала:

— Вы очень опытная путешественница, мисс Бёрч. Вы согласны со мной, что длительная поездка в чужую страну рано или поздно обнажает те наши качества, что мы пытаемся скрыть от других? Как будто мы вдруг, сами того не желая, становимся прозрачными для всех и наша суть выходит наружу.

Вероника призадумалась.

— Вы ведь имеете в виду что-то вполне определённое?

Эмили кивнула.

— Я никогда не путешествовала до этого времени. А сейчас такое ощущение... будто я и не знаю, *кто эти люди*.

— Понимаю. Да, такое случается. Пожалуйста, расскажите мне о ваших родственниках.

— Прежде всего я хочу рассказать вам о Тамаре, моей старшей сестре. Она — главный человек в моей жизни. Пускай я говорю банальности, но, мисс Бёрч, Тамара в самом деле уникальная личность. О таких говорят «штучный товар». Настоящая красавица, умница, обладает блестящими организаторскими способностями, но самое важное в ней то, мисс Бёрч, что она — добрейший человек на целом свете.

— Тамара... Какое редкое имя, — в голосе Вероники послышались новые нотки, как будто ей открылся захватывающий доселе невиданный вид с горы.

— Такое же редкое, как и сам человек. Это правда. Тамара всегда печётся обо всех вокруг. Её все обожают.

— Все? — вернулась со своей мысленной горы Вероника. — Но вы говорили...

— Да, я так думала. До этой поездки. А теперь вижу — люди вокруг всегда использовали её и продолжают использовать. Конечно, нехорошо такое говорить о собственных племянниках и зяте...

— В каком плане используют?

— Живут за её счёт. Умирая, наш отец оставил ей акции как самой сообразительной из нас. Акции тогда падали в цене, но Тамара ими правильно распорядилась, и теперь никто из членов её семьи ни в чём не нуждается.

— Но в таком случае, зачем же кому-то из них убивать Тамару?

— Дойную корову, вы хотите сказать, не убивают? Но деньги в случае её смерти остаются в семье, Тамара не составляла завещания. Она искренне любит свою семью.

— Всё унаследует муж?

— Да. Всё унаследует Джон.

— Сколько лет вашим племянникам?

— Коннору двадцать, Леонарду скоро восемнадцать, Мэри пятнадцать...

— Но, дорогая, они ведь ещё дети!

— Конечно, они дети... И они замечательные дети, я их очень люблю, как своих...

Эмили тяжело вздохнула.

Вероника взяла её за руку.

— Дорогая, я понимаю, о чём вы. Семейные дразги чаще всего выходят наружу в поездках. Но ссора, как мне видится, ещё не повод для убийства.

— Конечно, нет. Вы правы, — кивала Эмили. — И всё же... В последние дни я остро ощущаю, как сгущается чувство открытой ненависти вокруг Тамары. Знаете, мне ча-